

27 декабря 1934 г.

Тов. СТАЛИН!

Вчера т.Серго рассказал мне о показаниях Каменева и Сафарова насчет моих встреч и разговоров с ними. Я не читал этих показаний и могу судить о них только по короткому пересказу т.Серго. Тут же у т.Серго я имел возможность, — правда, очень бегло, — просмотреть показания Наумова и Евдокимова, в которых упоминаются имена мои и Шацкого.

После разговора с т.Серго я решил написать Вам письмо, не дожидаясь, пока я получу возможность прочесть показания Каменева и Сафарова.

Показания Наумова в части, касающейся меня, моей связи с Кушнером, а через него с зиновьевцами или правыми, представляют собой чистейший вымысел. У нас, у тогдашних "леваков" в 1929/30 г.г. не было никакой связи с зиновьевцами, да и намерений подобных не было. Я никогда не встречался у Кушнера с Бакаевым или Федоровым. Никогда не встречался у Кушнера и с т.Каминским, да и вообще ничего не слыхал о причастности т.Каминского к какой-либо группировке. Никаких полномочий тогдашние "леваки" Кушнеру для переговоров с какими нибудь другими группами не давали, да и не могли давать. Никакого участия в право-левацком блоке Кушнер не принимал. С Кушнером я познакомился впервые весной 1930 года, когда он приезжал в Ейск писать книгу о деревне. На этой литературной почве и выросло наше знакомство. Ни я, ни другие тогдашние "леваки" не считали Кушнера политическим деятелем.

С Евдокимовым за все эти годы у меня было только шапочное знакомство. Шацкий, живший с ним в одном коридоре, несколько раз с ним встречался. Но об этом пишет Вам сам Шацкий.

- 2 -

С Сафаровым я виделся за все последние годы один раз - в 1932 году. Тов. Серго рассказывал мне о показании Сафарова насчет того, что я будто бы возмущался введением на военных заводах правил об арестах за нарушение дисциплины. Я не могу припомнить всех обстоятельств разговора с Сафаровым, не помню, в частности, говорил ли я с ним на эту тему. Если даже да, то показание Сафарова в этом пункте сильно преувеличено. Если эти правила, когда их только еще собирались вводить на военных заводах, и вызывали у меня сомнения, то оно сразу рассеялось, как только мы стали применять эти правила у себя на 24-м заводе.

С Каменевым я и Шацкин встретились летом 1933 года в Гаграх. Встреча эта произошла случайно - все оказались вместе в одном доме отдыха. Наши разговоры с Каменевым представляли собою то, что я сейчас назвал бы полуоппозиционной болтовней. Нам интересно было знать, каковы его настроения. Каменев жаловался, что его и Зиновьева не привлекают к серьезной работе, говорил преимущественно о трудностях положения в деревне, но был с нами вообще сдержан. Когда мы спросили его, стоит ли нам встречаться с ним в Москве, он ответил отрицательно, опасаясь обвинения во фракционности. Мы также сразу же отказались от этой мысли.

Конечно, ни я, ни Шацкин не имели в то время ни малейшего представления о фракционной, антисоветской деятельности группы Зиновьева-Каменева, которая взрастила таких фашистских выродков, как убийца т. Кирова. Разговаривая с Каменевым в Гаграх, мы абсолютно ничего не знали в то время о Рютинском деле, о контр-революционной платформе Рютина-Слепкова, о том, что она гуляла уже по рукам Каменева и Зиновьева. Но как все же могло случиться, что мы пошли вообще

на разговор с Каменевым?

На 17 съезде партии я говорил на основании своего личного опыта о том, как трудно и мучительно дается бывшему оппозиционеру полное преодоление оппозиционности, как нелегко выбираться из оппортунистического болота тому, кто раз в него попал. Остатки оппозиционных настроений держались у меня и у Шацкого долго - примерно до осени 1932 года. Я работал в 1931 году в Наркомснабе, с начала 1932 года на 24-м заводе, работал, как мне казалось, добросовестно, отдавая все свои силы - особенно на заводе - тому делу, которое мне было доверено. Конечно, я не допускал ни в Наркомснабе, ни на заводе в своей работе ни малейшего проявления хотя бы следов своей прежней оппозиционности. Но что пережитки оппозиционных настроений сохранялись у нас - я говорю о себе и Шацкине - долго, этого я не могу отрицать. Эти настроения подогревались теми затруднениями, которые встретились тогда у нас в деревне. Для меня давно уже стал ясен социальный и политический источник таких настроений. Но тогда нам казалось в порядке вещей брюзжание насчет трудностей, полуоппозиционная болтовня на разные темы, пересказывание обывательских острот насчет нашего положения и т.п. Отсюда и тот нездоровый интерес и стремление "прощупать" настроения Каменева, которые мы проявили при встрече с ним.

Со всякими сомнениями и колебаниями, со всякими остатками оппозиционных настроений мы покончили навсегда осенью 1932 года - после дела Рютина. Повторяю, до разоблачения этого дела партией, ни я, ни Шацкий ничего не знали о причастности к нему Зиновьева, Каменева, а также Стэна. Контрреволюционные лозунги рютинской платформы о восстановлении

кулачества, о ликвидации колхозов, о свержении партийного руководства показали нам, куда могут вырасти хотя бы малейшие политические шатания, хотя бы самые ничтожные остатки оппозиционных настроений. Для нас стало абсолютной необходимостью - решительнейшим образом, раз и навсегда вытравить последние следы прежней оппозиционности. Этот окончательный разрыв с последними остатками оппозиционного прошлого снял с меня тяжелый груз. Когда не осталось никаких сомнений, когда установилась глубочайшая, прочная внутренняя убежденность во всех без исключения вопросах - сама работа стала иной. Я был на январском пленуме ЦК и ЦКК в 1933 г. Решения этого пленума и Ваши выступления, тов. Сталин, я воспринял так, как каждый честный партиец, с большим воодушевлением, без каких либо оговорок и сомнений. Я выступал на 17-м съезде партии искренне и убежденно, с глубокой верой в полную правоту партийного руководства. Когда в мае этого года я Вам писал - (а я не решился бы к Вам лично обратиться, если бы не знал твердо, что с прошлым покончено навсегда) -, что уроки из своих ошибок я извлек на всю жизнь, это была - правда. Я считал, что внутренне переболев и преодолев без остатка всю свою прежнюю оппозиционность, я сделал достаточно. Теперь не мне судить о моем поведении. Я жду ответа на свое письмо. Какое бы ни было Ваше решение, я его приму спокойно, зная, что оно будет продиктовано партийной необходимостью.

В.ЛОМИНАДЗЕ.